

Федерико Андахази: Фрейд — это тоже литература

Коммерсантъ - 2003 - 11 сент. - с. 13.

ВИЗИТ литература

Аргентинский писатель Федерико Андахази приехал в Москву представить свой роман «Милосердные», среди героев которого — лорд Байрон, Мэри Шелли и даже Пушкин. Главный гость Московской книжной ярмарки прославился скандальным романом «Анатом», переведенным в 33 странах мира, в том числе и в России. Его герой, живший в XVI веке анатом Матео Колон, открыл важный орган в женском теле — клитор — и тем самым попытался обрести способ управлять женщинами. Скандалист ФЕДЕРИКО АНДАХАЗИ оказался задумчивым и интеллигентным. «Я был уверен, что клитор был найден намного раньше и самими женщинами!» — оправдывался он перед корреспондентом „Ъ“ АНДРЕЕМ ЗАХАРЬЕВЫМ.

— Ваша фамилия по-испански звучит как Андааси, но здесь ее перевели как Андахази. Вы не против?

— Происхождение моей фамилии венгерское. Мой отец — венгр. По материнской же линии у меня русские корни. Дед и бабушка у меня из Одессы.

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ

— Вы сказали, что могли бы написать книгу о ваших предках. Что, такие уникальные судьбы?

— Мой дед переехал из Одессы в Аргентину в пятилетнем возрасте. Жили они очень бедно, поэтому он сразу же стал работать уличным продавцом газет. Так и выучил испанский, выкрикивая заголовки. Потом он стал продавать книги, затем основал свое издательство. У него была фантастическая библиотека, особенно политических книг. Но 24 марта 1976 года в Аргентине случился путч, и держать такую библиотеку было опасно, дед решил ее сжечь.

Вскоре он умер. Каждый раз, когда я заканчиваю новую книгу, мне кажется, что я восстанавливаю одну из той стorerшей библиотеки.

— Вы по образованию психоаналитик, как вы начали писать?

— Я писал еще в отрочестве, ужасные, конечно, вещи. Я пришел к психоанализу через литературу, ведь Фрейд — это тоже литература, как Шекспир и Гете. Но на практике все оказалось другим. Я наблюдал, как моим пациентам становится все хуже и хуже, а одно время даже работал в психбольнице, где больные находятся просто в тюрем-

ных условиях. В этот момент я занялся писательством.

— Ваш дебютный роман «Анатом» здесь сравнивают с «Алхимиком» Пауло Коэльо и «Парфюмером» Патрика Зюскинда. Насколько это справедливо?

— Патрика Зюскинда я очень уважаю, «Парфюмер» — это необычный роман! Единственное же, что нас роднит с Коэльо, — это созвучность названий книг на испанском — «El Alquimista» и «El Anatomista». Я думаю, что Коэльо — это мистическая литература типа психологической самопомощи, вроде «помоги себе сам», и это не мой случай.

— Как вы относитесь к легенде про точку G, которая якобы есть у всех женщин, стоит только хорошо поискать?

— Думаю, это изобретение сексологов. Они же не выносят, когда в сексе есть какая-нибудь тайна, пытаются все раскрыть. Но точка G, мне кажется, это выдумка.

— Феминистки против «Анатом» не выступали?

— К счастью, многие поняли, что эта книга — ирония над обществом, что она скорее в защиту женщин. Но скандалы были — в Мехико книгу убрали с прилавков, как выяснилось, из-за обложки, на которой была обна-

женная женщина. Вообще-то это была «Ева» Дюрера из музея Прадо. Сложно было в Турции, где все еще живы древние азиатские законы. У некоторых, вы знаете, даже остался обычай удаления клитора... Но самый серьезный инцидент произошел в США. Когда в Аргентине выходила моя книга, «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, суть которой была в насмешке, что якобы в Аргентине теперь можно проносить слово «клитор». Через два года я должен был представлять книгу в Майами и Нью-Йорке. Но презентацию в Нью-Йорке отменили. Оказалось, что издательство договорилось с литературным приложением «Нью-Йорк таймс» о рекламе книги. Но потом эту рекламу убрали. И это все происходило во времена секс-гейта с Моникой Левински, когда подробные описания президентского члена можно было прочитать где угодно.

— В Аргентине тоже все прошло не так гладко?

— Когда я закончил писать «Анатом», я попал на конкурс сразу двух крупных премий: «Планета» и «Фортабат». К моему удивлению, мне позвонили из «Планеты» и сказали, что я попал в шорт-лист из трех номинантов. А на другой день приходит телег-

рамма из «Фортабата», что я победил. Я снял свой роман с конкурса «Планеты». Наутро мне начинают звонить из газет, радио и телевидения. Я спрашиваю, что случилось — ведь до этого я был абсолютно неизвестным человеком. Оказалось, что мой роман снимают с уже присужденного мне «Фортабата» как «не способствующий укреплению наивысших духовных ценностей». В итоге мне отдали деньги, но звание победителя не присудили. Так начался скандал.

— Недавно вы написали роман «Государь». Теперь вас будут сравнивать с Макиавелли?

— Я не большой его поклонник, но это явная ссылка. Роман переносит основные принципы макиавеллиевского «Государя» на новую латиноамериканскую действительность. На идею этого романа меня навел Маркес, с которым я имел счастье встретиться и говорить в Париже. Он мне сказал, что я не должен нести крест «Анатом», и посоветовал написать такую книгу. Я показываю там не каких-то диктаторов, а те комические фигуры, которые возникают после диктатуры — вроде Менема или Фухимори. Хотя мне бы хотелось, чтобы они были чисто литературными и в жизни не существовали.